

Взаимосвязи между переменными «треугольника Карпмана» и коммуникативными реакциями на ревность у студентов

Цыплякова В.С., Андреева И.Н.

Учреждение образования «Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой»

Представлены результаты изучения коммуникативных реакций на ревность и переменных «треугольника Карпмана» на выборке студентов. В связи с тем, что задачи именно юношеского возраста предполагают построение семьи и зачатие детей, изучение коммуникативных реакций на ревность у студентов в связи с их созависимой ролью является особенно актуальным в условиях увеличения количества разводов граждан Республики Беларусь и продолжительного демографического спада в рамках нашей страны.

Цель статьи — выявить характер взаимосвязи составляющих «треугольника Карпмана» с коммуникативными реакциями на ревность у студентов.

Материал и методы. В качестве эмпирического метода использовался опрос. Для диагностики созависимой роли применялась методика «Драматический треугольник Карпмана» А. Лака и К. Дональдсона (2020) в адаптации Д. Чабана, для диагностики коммуникативных реакций на ревность — методика «Коммуникативные реакции на ревность, CRJ» авторства Л. Герреро и П. Андерсена в адаптации белорусских психологов И.А. Фурманова и А.О. Вергейчик (2012). В качестве метода обработки данных применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Выборка исследования — 101 человек: 51 юноша и 50 девушек в возрасте от 17 до 27 лет ($M=19,4$ $SD=1,52$). Исследование проводилось на выборке в целом.

Результаты и их обсуждение. Обнаружены умеренные положительные корреляции между ролью «спасателя» и компенсацией, между ролью «жертвы» и негативной аффективной экспрессией. У роли «преследователя», в свою очередь, обнаружены как умеренные корреляции, так и слабые. Между дистрибутивной коммуникацией и манипуляциями и ролью «преследователя» выявлены умеренные положительные взаимосвязи, слабые положительные корреляции наблюдаются с активным дистанцированием и контактом с соперником.

Заключение. Стабильно увеличивающееся число людей, подверженных какой-либо форме зависимости, увеличивает и количество созависимых родственников, то есть родственников, подверженных специфическому состоянию, которое характеризуется сильной поглощенностью и озабоченностью от человека или предмета. Именно из-за высокой распространенности данной проблемы Стивен Карпман создал классификацию созависимых личностей — «треугольник Карпмана», включающую в себя способы поведения людей в созависимых отношениях, среди которых роли «жертвы», «спасателя» и «преследователя». Ревность, представляющая собой подозрительное отношение человека к объекту обожания, связанное с мучительным сомнением в его верности либо знанием о его неверности, является важным аспектом романтических отношений, т.к. она может поспособствовать как самосовершенствованию человека, так и стимулировать к деструктивным формам поведения. В результате проведенного исследования обнаружено, что составляющие «треугольника Карпмана» и коммуникативные реакции на ревность в юношеском возрасте взаимосвязаны.

Данные исследования могут быть использованы практическими психологами для консультирования созависимых личностей по проблемам взаимоотношений и распределения ролевых позиций в паре.

Ключевые слова: треугольник Карпмана, созависимые отношения, коммуникативные реакции на ревность, жертва, спасатель, преследователь, студенты.

Relationships between Karpman Triangle Variables and Student Communicative Reactions to Jealousy

Tsypliakova V.S., Andreyeva I.N.

Education Establishment "Euphrosyne of Polotsk State University of Polotsk"

The article presents the results of the study of communicative reactions to jealousy and the variables of Karpman triangle on a sample of students. Due to the fact that the tasks of adolescence involve building a family and conceiving children, the study of student communicative reactions to jealousy with their codependent role is especially relevant in the context of an increase in the number of divorces of citizens of the Republic of Belarus and a long-term demographic decline within our country.

The purpose of the study is to identify the nature of the relationship between the components of Karpman triangle and student communicative reactions to jealousy.

Material and methods. A survey was used as an empirical method. To diagnose the codependent role, Karpman Drama Triangle technique by A. Luck and K. Donaldson (2020) as adapted by D. Chaban, to diagnose reactions to jealousy — the Communicative Responses to Jealousy, CRJ technique by L. Guerrero and P. Andersen as adapted by Belarusian Psychologists I.A. Fourmanov and A.O. Vergeichik (2012) were used. Spearman's rank correlation coefficient was used as data processing method.

The study sample was 101 people: 51 young men and 50 girls aged 17 to 27 ($M = 19.4$ $SD = 1.52$). The study was conducted on the sample as a whole.

Findings and their discussion. Moderate positive correlations were found between the role of the “rescuer” and compensation, between the role of the “victim” and negative affective expression. The role of the “pursuer”, in turn, has been found to have both moderate and weak correlations. Moderate positive relationships have been found between distributive communication and manipulation and the role of the “pursuer”, weak positive correlations are observed with active distancing and contact with the rival.

Conclusion. The steadily increasing number of people subject to any form of addiction increases the number of codependent relatives, that is, relatives subject to a specific condition characterized by strong absorption and concern for a person or object. It is because of the high prevalence of this problem that Stephen Karpman created a classification of codependent personalities — Karpman triangle, which includes ways of behavior of people in codependent relationships, including the roles of “victim”, “rescuer” and “pursuer”. Jealousy, which is a suspicious attitude of a person towards the object of adoration, associated with a painful doubt in his fidelity or knowledge of his infidelity, is an important aspect of romantic relationships, since it can contribute to both self-improvement of a person and stimulate destructive forms of behavior. As a result of the study, it was found that the components of Karpman triangle and communicative reactions to jealousy in adolescence are interconnected. The results of the study can be used by practical psychologists to consult codependent individuals on problems of relationships and distribution of role positions in a couple.

Key words: Karpman triangle, codependent relationships, communicative reactions to jealousy, victim, rescuer, persecutor, students.

Романтические отношения, взаимодействие с партнером и построение семьи во все времена были и будут актуальными проблемами для самых разных исследований. Объясняется это множеством причин: в частности, люди сами по себе существа социальные, репродуктивная функция — одна из основных функций человека, романтические отношения удовлетворяют ряд человеческих потребностей.

Одним из исследовательских аспектов в рамках романтических отношений является ревность, или подозрительное отношение человека к объекту обожания, связанное с мучительным сомнением в его верности либо знанием о его неверности [1]. По мере изучения компонентов, входящих в структуру данного феномена, формировались и различные подходы к анализу степени полезности данного чувства. Одни авторы полагают, что ревность оказывает на человека положительное влияние, например, стимулирует к позитивным изменениям. Другие, в свою очередь, рассматривают ревность в качестве совокупности аффективных всплесков, приводящих к негативным последствиям.

Одним из научных достижений в изучении ревности стала классификация, разработанная отечественными психологами Т.М. Заславской и В.А. Гришиным. Ими было выделено 3 типа ревности [2]:

а) собственническая ревность: сопровождается подозрительностью, завышенными требованиями к партнеру, страданиями того, кого ревнуют;

б) ревность от ущемленности: сопровождается неуверенностью в себе, низкой самооценкой,

страхом, что партнер уйдет к варианту «лучше», страданиями того, кто ревнует;

в) обращенная ревность: сопровождается проецированием собственных мыслей об ревности на партнера.

Ученый Э.Э. Линчевский [3], в свою очередь, выделяет дополнительный, четвертый тип ревности: привитый. Чувство ревности как бы «прививают» со стороны. Это могут быть как стереотипы, гласящие, что все мужчины «изменщики», так и предположения родителей или же друзей-завистников. Иначе говоря, сомнения в верности свойственны не самому ревнивцу, а внушены третьими лицами.

Несмотря на то, что тема ревности довольно тщательно изучается с разных сторон, конкретная классификация реакций на ревность появилась не так давно (в 1998 году), а адаптация соответствующего опросника еще позже (в 2012 году), то и исследований на эту тему совсем небольшое количество [4]. Актуальность изучения ревности объясняется тем, что нередко именно данное чувство становится источником ссор и разладов, что снижает удовлетворенность отношениями/браком, а в некоторых случаях является мотивом убийства партнера [5].

При этом совсем небольшое количество людей готовы признать у себя наличие проблемы с ревностью, несмотря на открытия в сфере эмоционального интеллекта и просветительских мероприятий в данной области. Поэтому в фокусе нашего внимания оказалось изучение вышеперечисленных феноменов у категории людей, жизненные трудности которых заставляют их обра-

тяться к специалисту. Речь идет о созависимых личностях. Психическое состояние родственников больных зависимостью обозначают термином созависимость [6]. По мнению Шэрон Вегшейдер Круз, созависимость — это специфическое состояние, которое характеризуется сильной поглощенностью и озабоченностью, а также крайней зависимостью (эмоциональной, социальной, а иногда и физической) от человека или предмета [7]. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) [8], алкогольная зависимость охватывает около 2,3 миллиардов человек, то есть каждый четвертый подвергается этой пагубной привычке. Практически на каждого алкоголика приходится как минимум по одному члену семьи, страдающего от аддикции родственника. Именно из-за высокой распространенности данной проблемы, Стивен Карпман создал классификацию созависимых личностей, которая стала активно внедряться в психотерапевтическую работу и получила название «треугольник Карпмана» [9; 10]. «Треугольник Карпмана» — это схематичное представление ролей («жертвы», «спасателя» и «преследователя») в созависимых отношениях. Ниже перечислены их психологические характеристики.

1. «Жертва»: демонстративная беспомощность, пассивность, убежденность в собственной бездарности, потребность в сочувствии.

2. «Спасатель»: выраженное желание помогать другим, стремление чувствовать себя востребованным, убежденность в том, что он в ответе за судьбу близкого человека.

3. «Преследователь»: жестокое отношение по отношению к другим людям, потребность критиковать и обвинять окружающих, убежденность в том, что все его деструктивные действия происходят из-за того, что его провоцируют (на ревность, либо любое другое поведение человека).

Зная типичные реакции на ревность каждого из представителей «треугольника Карпмана», психолог сможет более грамотно выстроить работу и достичь положительного эффекта в меньшие сроки.

В связи с тем, что задачи именно юношеского возраста предполагают построение семьи и зачатие детей, изучение коммуникативных реакций на ревность у студентов является особенно актуальным в условиях увеличения количества разводов граждан Республики Беларусь и продолжительного демографического спада нашей страны.

Цель исследования — выявить характер взаимосвязи составляющих треугольника Карпмана с коммуникативными реакциями на ревность у студентов.

Материал и методы. В качестве эмпирического метода использовался опрос. Для диагностики созависимой роли применялась методика «Драматический треугольник Карпмана» А. Лака и К. Дональдсона (2020) в адаптации Д. Чабана [11], для диагностики ревностных реакций — методика «Коммуникативные реакции на ревность, CRJ» авторства Л. Герреро и П. Андерсена в адаптации белорусских психологов И.А. Фурманова и А.О. Вергейчик (2012) [4].

В качестве методов обработки данных применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Выборка исследования — 101 человек: 51 юноша и 50 девушек в возрасте от 17 до 27 лет ($M=19,4$ $SD=1.52$). Исследование проводилось на выборке в целом.

Результаты и их обсуждение. При помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена мы выявили значимые взаимосвязи ($p \leq 0,01$) между «треугольником Карпмана» и коммуникативными реакциями на ревность (рисунок).

Проанализируем представленные на рисунке значимые ($p \leq 0,01$) корреляции между выраженностью ролей «треугольника Карпмана» и коммуникативными реакциями на ревность у студентов.

У юношей и девушек студенческого возраста выявлена умеренная положительная взаимосвязь показателей «спасателя» и *компенсации/замещения*. Это говорит о том, что чем больше у личности выражена роль «спасателя», тем более такой человек будет склонен использовать компенсационное поведение при наличии чувства ревности. Ядро данной корреляции заложено в такой особенности «спасателей», как неумение решать свои проблемы и пассивность относительно своей судьбы. Ревность, выступая в виде страха потерять близкого человека, стимулирует «спасателя» к замещающим действиям: он уделяет больше времени работе, домашнему быту, саморазвитию. Благодаря подобного рода действиям, чувство нужности и полезности, которое он до этого получал в отношениях, но не имеет возможность получать сейчас из-за зародившихся сомнений, реализуется в вечной занятости.

Анализируя особенности «жертв», стоит отметить наличие умеренной положительной корреляции данной переменной с *негативной аффективной экспрессией*. Иными словами: при увеличении степени выраженности роли «жертвы», увеличивается и проявление негативной аффективной экспрессии при наличии чувства ревности. Наличие данной взаимосвязи обусловлено экстернальным локусом контроля «жертвы».

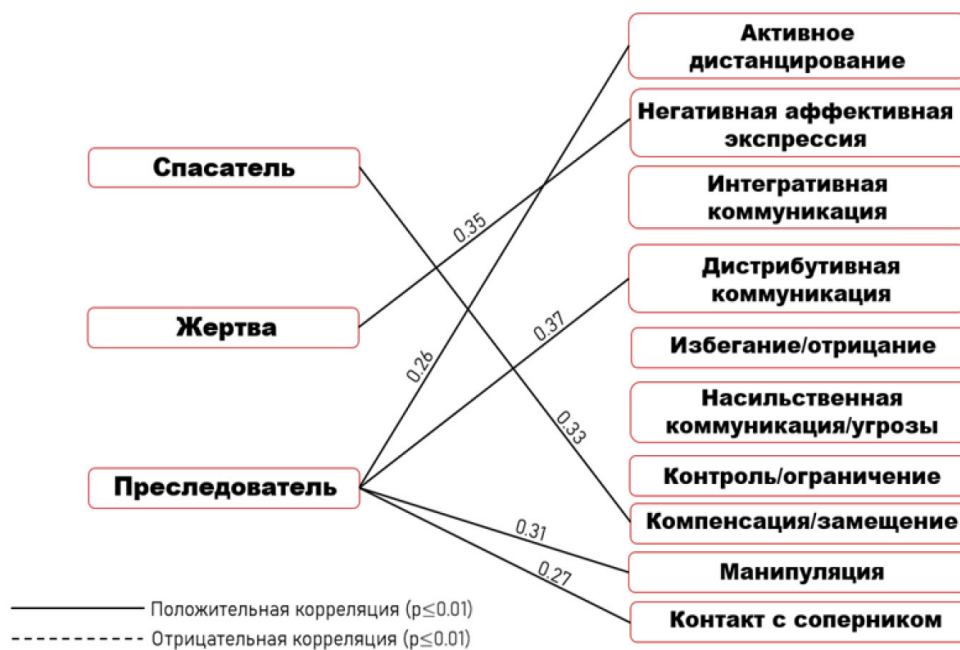


Рисунок — Корреляционная плеяда показателей «треугольника Карпмана» и коммуникативных реакций на ревность у студентов

Не желая самостоятельно решать имеющуюся проблему в виде ревности, такой человек будет всем своим видом показывать, что его не устраивает определенное положение вещей, перекладывая ответственность за решение данной задачи на другого. Иллюстрируемые «жертвой» эмоции, будь то печаль, злость или отвращение, являются невербальными призывами о помощи не только для партнера, но и для друзей и знакомых. Показывая другим людям печаль относительно своего положения, «жертвы» еще больше убеждаются в своей никчемности и ждут внимания к своей персоне в еще большем размере.

Слабая положительная взаимосвязь наблюдается между показателями «преследователя» и *активным дистанцированием*. Данные результаты свидетельствуют о том, что при увеличении степени выраженности у человека созависимой роли преследователя, увеличиваются и показатели активного дистанцирования при возникновении чувства ревности. Такой вид коммуникативной реакции сопровождается сокращением физического контакта и вербального взаимодействия. Учитывая тот факт, что не разговаривать с человеком — значит проявлять по отношению к нему «эмоциональную жестокость» [1], то благодаря дистанцированию «преследователь» выполняет свою главную функцию — оказывает давление,

вызывает чувство вины, и тем самым убеждается в своей правоте. Указанный метод по своей природе похож на «госпитализм», который представляет собой комплекс психических и соматических нарушений у ребенка в результате лишения ласки и общения [12].

Показатели «преследователя» образуют умеренную положительную корреляцию с *дистрибутивной коммуникацией*. Это значит, что при увеличении выраженности роли «преследователя», увеличиваются и показатели дистрибутивной коммуникации при наличии чувства ревности. «Преследователь» пользуется таким видом коммуникативной реакции на ревность по одной простой причине: посредством ссор им проще выплеснуть гнев, раскритиковать и указать на недостатки. Спокойная атмосфера с конструктивным конфликтом не позволит преследователю использовать оскорбительные слова и переложить ответственность на другого (не забываем об особенностях мышления преследователя: «виноваты все, кроме меня»).

Умеренная положительная взаимосвязь образуется между показателями таких переменных, как «преследователь» и *манипуляции*. Данная корреляция говорит о том, что чем выше степень выраженности созависимой роли «преследователя», тем выше показатели манипуляции в качестве

коммуникативной реакции на ревность. Манипулятивное поведение преследователей объясняется производимым эффектом: адресат считает мысли, решения и действия своими собственными, а не «наведенными» извне, и признавал себя ответственным за них [1]. Как итог, «жертва» рассуждает как «преследователь» (то есть, с его точки зрения — правильно), и при этом действует соответствующим образом. Метод манипуляции также используется, чтобы личность преследователя самоутвердилась за счет другого человека.

У студентов также отмечается слабая положительная взаимосвязь между показателями «преследователя» и *контакта с соперником*. Следовательно, чем выше у человека степень выраженности роли преследователя, тем больше вероятность, что при чувстве ревности партнер будет искать всякий повод встретиться, побеседовать, подраться с соперником, вне зависимости от того, есть ли он (любовник/любовница) на самом деле. В основе настоящей корреляции лежит такая особенность людей, находящихся в созависимых отношениях, как борьба за внимание. Зависимые люди большое количество времени отдают аддикции и минимально — близким людям. И, как правило, созависимые личности привыкли бороться за интерес своего партнера. А «преследователи», будучи властными, жестокими, мстительными личностями, переносят шаблон борьбы и на интимные отношения, будучи готовым сражаться за своего партнера.

Заключение. Таким образом, ревность определяется как подозрительное отношение человека к объекту обожания, связанное с мучительным сомнением в его верности либо знанием о его неверности. Положительной стороной данного чувства является мотивация к самосовершенствованию, негативной — вспышки гнева. В основном выделяют четыре типа ревности: собственническую, ревность от ущемленности, привитую и обращенную ревность.

Увеличение количество людей, страдающих от разного рода аддикций, приводит к увеличению количества созависимых личностей. Созависимость характеризуется сильной поглощенностью и озабоченностью, а также крайней зависимостью (эмоциональной, социальной, а иногда и физической) от человека или предмета. Стивен Карпман создал классификацию созависимых личностей, которая стала активно внедряться в психотерапевтическую работу и получила название «тре-

угольник Карпмана», являющий собой схематичное представление ролей (жертвы, спасателя и преследователя) в созависимых отношениях.

В результате эмпирического исследования обнаружены умеренные положительные корреляции между ролью «спасателя» и компенсации, между ролью «жертвы» и негативной аффективной экспрессией. У роли «преследователя», в свою очередь, обнаружены как умеренные корреляции, так и слабые. С дистрибутивной коммуникацией и манипуляциями у «преследователей» выявлены умеренные положительные взаимосвязи, слабые положительные корреляции наблюдаются с активным дистанцированием и контактом с соперником.

Литература

1. Ильин, Е.П. Психология общения и межличностных отношений / Е.П. Ильин. — СПб.: Питер, 2009. — 576 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»).
2. Андреева, Т.В. Семейная психология : учеб. пособие / Т.В. Андреева. — СПб.: Речь, 2004. — 244 с.
3. Линчевский, Э.Э. Как быть с ревностью / Э.Э. Линчевский. — Л.: Общество «Знание» РСФСР, 1978. — 32 с.
4. Фурманов, И.А. Половые, возрастные и ролевые различия в коммуникационных реакциях на ситуацию, вызывающую ревность / И.А. Фурманов // Философия и социальные науки. — 2015. — № 2. — С. 73–83.
5. Шестаков, Д.А. Супружеское убийство как общественная проблема / Д.А. Шестаков. — СПб.: СПбГУ, 1992. — 96 с.
6. Москаленко, В.Д. Семейная болезнь — созависимость / В.Д. Москаленко. — URL: <http://adic.org.ua/> (дата обращения: 15.04.2025).
7. Шорохова, О.А. Жизненные ловушки зависимости и созависимости / О.А. Шорохова. — СПб.: Речь, 2002. — 136 с.
8. Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). — URL: <https://www.who.int> (дата обращения: 15.04.2025).
9. Карпман, С. Жизнь свободная от игр / С. Карпман. — СПб.: Метанойя, 2016. — 337 с.
10. Зубрицкая, А.С. Особенности психологической помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия / А.С. Зубрицкая // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. — 2009. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-psihologicheskoy-pomoschi-zhenschinam-postradavshim-ot-domashnego-nasiliya> (дата обращения: 15.04.2025).
11. Уайнхолд, Б.К. Как вырваться из треугольника драмы и освободиться от сознания жертвы / Б.К. Уайнхолд, Д.Б. Уайнхолд. — Киев: Изд-во Ростислава Бурлаки, 2020. — 224 с.
12. Войскунский, А.Я. Я говорю, мы говорим: Очерки о человеческом общении / А. Войскунский. — М.: Знание, 1982. — 192 с.

Поступила в редакцию 19.05.2025